

жизни». Мы с самого начала хотели вырваться за узкие рамки цеховой, «академической» философии, хотели разговаривать с живыми о живом. Замысел состоял в том, чтобы, с одной стороны, избежать профанации «философского дела», а с другой — найти способ сказать о наболевшем, о том что волнует думающего человека постсоветской России. В какой мере у нас это получилось — судить не нам, а нашим читателям.

В последние годы круг читателей *Mixtur*-ы существенно расширился. Расширился во многом благодаря созданию (при поддержке Самарской гуманитарной академии) сайта «Философская Самара» (в Сети с весны 2007 года). На страницах сайта были размещены *Mixtur*-ы прежних лет, а к новым ее выпускам пользователь Интернета получил доступ одновременно с их печатной публикацией.

Отмечая юбилей ежегодника, хочется поблагодарить всех тех замечательных, отзывчивых, открытых новому людей, без содействия которых *Mixtura* не смогла бы преодолеть сторожевых рубежей мечты и шагнуть в открытую всем ветрам реальность публично сказанного слова. Особую благодарность хотелось бы выразить ректору СаГА Наталье Юрьевне Ворониной, поддержавшей издание *Mixtur*-ы на первом, самом трудном этапе ее становления, и оказывающей содействие ее регулярному выходу в свет до настоящего времени. Нельзя не высказать глубокой признательности сотрудникам РИО Самарской гуманитарной академии за техническое сопровождение и творческое соучастие в издании ежегодника, персонально его заведующим: Ольге Юрьевне Дьяченко (1-2 выпуски) и Светлане Владимировне Бородиной (3-10-й выпуски). Спасибо тем, кто разработал и поддерживает «на ходу» сайт «Философская Самара», обеспечивающий присутствие *Mixtur*-ы в лабиринте мировой паутины: Елене Иваненко, Александру Шайкину и Филиппу Корецкому. Спасибо всем авторам нашего ежегодника и всем его читателям! Будем и дальше готовить *Mixtur*-у вместе и принимать ее по три капли перед сном. Ежедневно.

Редактор ежегодника *Mixtura verborum*
Сергей Лишаев

СЛОВА И ЛЮДИ

С. А. Лишаев

Текст на экране

(цифровойкодизэкранныясимуляцияпечатногослова)*

Слово без другого (человек, слово, реальность). Человеческое бытие устроено словом, оно условно, об-у-словлено¹. Человек свободен, отвлечен, дистанцирован от себя и от другого в слове и через слово. Только в слове и через слово тела обретают место. Растения и животные обходятся без слов, не сознавая времени как временности своего существования. Их жизнь определяет не слово, но фюзис. Владеющий даром речи зависит не столько от места своего обитания, сколько от места-расположения слова.

Слово предполагает Другого. Другой для человека — Тот, кто радикально от него отличен (дистанция между Творцом и творением бесконечна). Человек существует в модусе «я» и в модусе «другого». Другой, другое, другие — его опора. Другие — это атланты и кариатиды, поддерживающие свод его присутствия: «из них ослабнет кто-то — и небо упадет». Человеческое внимание направлено на другое (на себя, на него, на них), человек *отнесен* к другому и одновременно *задет* другим, определен другим через претерпевание, через бытие-в-ответе (он активен и ре-активен).

* В этом выпуске ежегодника публикуется вторая часть материалов к лекциям по философской антропологии (первую часть см.: *Mixtura verborum* 2008: небытие в маске. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. С. 129–170). В уже опубликованных ранее материалах была описана и проанализирована топология устной и письменной речи. Эта последняя была исследована в двух формах: в форме рукописи и в форме печатного издания. В данной работе речь пойдет о новейшей форме письма/чтения — об экранном слове.

¹ Человек рождается дважды: первый раз от родителей, второй — от слова. После родов мать вынашивает дитя в колыбели слова. В какой-то момент ребенок начинает говорить и из бессловесного становится словесным, об-у-словленным.

Данность другого (не важно — интенциональная или респонзивная) всегда уже предполагает слово, она всегда *условна, всегда обусловлена*. Конститутивная, безусловно необходимая для человеческого присутствия дружба **развернута в слове**, а полюса вербальной развертки присутствия — это Бог и вещи, Другой и другие.

Словом предположено не-слово. Сначала говорят о людях и вещах, о своих желаниях и нуждах, и только потом — о словах. Слово первобытного человека и слово ребенка — это не слово о слове, а слово о не-слове, о том, что этим словом открывается. Здесь словом (словами) выражается иное ему: вещь, сущее.

То, что в слове (словом) открывается нечто сущее само по себе (от вещей, эйдосов до Бога), в это человек верит. Расшатывание этой первичной, исходной для человека веры — результат глубинных сдвигов в самых основах человеческого существования. По мере усложнения искусственного, на фундаменте слова возведенного мира и укрепления «я-сознания», отношение к сущему становится все более критичным.

В человеческой истории были времена, когда слово как бы срасталось с вещью, с человеком и даже с Богом (Имя Божие есть Бог, но Бог не есть его Имя — учили имяславцы). Позднее слово и вещь, слово и иное слову (не слову) отделились друг от друга, но связь между ними по-прежнему переживалась как что-то само собой разумеющееся (есть слова, имеющие значение, но не имеющие референта в первой реальности (гиппографы, русалки, кентавры...), а есть слова, означающие вещи сущие независимо от слов). На смену вещему, магическому, сакральному, мистическому слову пришли метафора и понятие. Слово как выражение-отображение реального² долгое время соседствовало со словом как проектом возможного (мыслимого, воображаемого, гипотетического) бытия. Сегодня сакральное, поэтическое и философское слово оказалось вытеснено на обочину новейшей европейской цивилизации. Сегодня мы находимся *в ситуации, когда и вещь,*

² В качестве сущих мыслились не только данные нашему восприятию и поименованные вещи и отношения, но и смысловые формы, которые философ обнаруживал в речи, но не находил им соответствия в чувственном опыте (платоническая традиция).

и другой человек, и Бог растворяются в слове. Такой сдвиг обесиливает слово и ведет к его замыканию на себя (приводит к «короткому замыканию» означаемого и означающего). Слово теперь не столько открывает сущее в его «само по себе», сколько парит в сфере возможного (мыслимого, воображаемого) и создает виртуальные (по-сетевому — действительные) миры.

Трансформация письма: от рукописи к экрану. Переход к компьютерному «письму» — важный рубеж в истории новейшей европейской цивилизации³. Революция в бытовании слова, произведенная техникой книгоиздания, имела множество социальных и культурных последствий, но к вытеснению рукописи не привела. Только компьютерная революция конца XX века вызвала деградацию ручного письма, а затем поставила его на грань исчезновения. Рукописи больше не горят...

³ **От автора — читателю (декларация о намерениях).** В этой работе автор пытается дать описание феномена экранного слова и рассмотреть некоторые из последствий его широкого распространения. При этом исследование представляет собой не просто описание, но вместе с тем и его критику. Стратегия подозрения кажется автору вполне уместной в ситуации стремительного распространения экранного слова. Он исходит из того, что сегодня необходимо занять критическую позицию по отношению к практике электронных «писем» и чтения. При этом автор далек от утопических установок луддитов XXI века. Ему чужды эскапистские установки тех, кто мечтает о возвращении «славного» рукописно-печатного прошлого. Возможности, которые принес с собой компьютер, для очень многих людей (в частности, для людей пишущих) — очевидны, преимущества экранного слова по сравнению с рукописью и типографской печатью каждый может оценить на собственном опыте. Однако в этой работе речь пойдет не о достоинствах и преимуществах оцифровки фиксированного слова. Речь о тех ловушках, которые расставляет перед человеком экранная цивилизация, о тех потерях, которые влечет за собой «электрификация» языка, и выработке такой стратегии поведения, способной (хотя бы отчасти) компенсировать связанные с этим утраты и деформации. Выработка «этоса пишущего» в эпоху Интернета — дело будущего. Пока же ясно одно: в ситуации стремительной инфляции «письменной» речи актуальной становится стратегия воздержания, аскезы, самоограничения со стороны тех, в чью жизнь «всерьез и надолго» вошел компьютер и кто уже не мыслит своей жизни без экрана и клавиатуры.

за отсутствием рукописей. Умению писать еще учат в школе, ручку и бумагу по-прежнему используют ученики и студенты (они пишут на уроках и лекциях, при подготовке к ответу на экзамене, при сдаче письменного экзамена и т. д.). Там, где учатся, — пишут, но пишут меньше, чем прежде. Там, где работают (во взрослом мире), ручку используют только для заполнения пустых мест в анкетах, тестах, справках и договорах. Даже при подаче официальных бумаг (заявление, справка из школы, служебная записка и т. д.) предпочтение отдается клавиатуре ПК и принтеру. А большинство из тех, кому меньше сорока и кто живет в компьютеризированных странах, так привыкли нажимать на кнопки и клавиши, что необходимость перехода от клавишного набора к письму уже вызывает напряжение. Оно и понятно: нажимать на кнопки — куда проще, чем выписывать буквы. Говоря о вытеснении рукописи, мы имеем в виду ее вытеснение из областей, в которых она когда-то доминировала: это и эпистолярный жанр, и интимный дневник, и воспоминания, и литературное творчество, и наука, и журналистика.

Напомним, что для эпохи печатного слова водоразделом областей приватного и публичного было разделение на *тексты-автографы (черновые и белые рукописи)* и *тексты для общества (печатные тексты)*. Литературные произведения создавались по ходу письма: творение возникало в процессе продвижения пишущего от черновика к беловику. Только после своего издания произведение становилось предметом общественного обсуждения, и это была его вторая, публичная жизнь. Сегодня все по-другому⁴. Установившееся в «эпоху Гутенберга» разделение функций между двумя способами фиксации речи (между рукописью и печатью) разрушено. Экранный текст взял на себя как функции рукописного слова (создания текста), так и, отчасти, печатного (этап обнародования созданного).

Первым инструментом дестабилизации двухполюсной модели фиксированного слова — рукопись/печатный текст —

⁴ Ручное письмо и сегодня еще используют в частной переписке, при составлении мемуаров и ведении дневников, но прибегают к нему в основном или люди, живущие в местах, до которых еще не добралась компьютеризация, или представители старшего поколения, сформировавшиеся в докомпьютерную эпоху.

стала «пишущая» (печатная) машинка. Человек, работающий на машинке, получал несколько (от одного до четырех) отпечатков с последовательно ухудшавшимся качеством шрифта (копировальная бумага на каждом последующем экземпляре машинописи давала все более блеклый и расплывчатый отпечаток). Машинопись получила распространение в кругу создателей текстов, предназначенных к публикации (в кругу писателей, ученых, журналистов), а также в присутственных местах с интенсивным «бумагооборотом». Однако полностью вытеснить рукопись она не смогла. Вплоть до начала интервенции ПК традиционная дистрибуция полномочий письменного и печатного слова (частное/публичное, производство текста/потребление текста) в общем и целом оставалась неизменной⁵. Даже в среде профессиональных сочинителей победа машинописи не была безоговорочной. Многие авторы продолжали писать собственноручно, а потом перепечатывали написанное (самостоятельно или оплатив услуги машинистки)⁶.

⁵ Оппозицию рукописное/печатное (частное/публичное) в эпоху Гутенберга можно было преодолевать лишь частично (переписка рукописи, ее перепечатка на машинке и последующее распространение произведения в кругу посвященных).

⁶ Дело в том, что быстрая и безошибочная печать — это особый, приобретаемый долгой тренировкой навык (все, кто работал за печатной машинкой, помнят, как часто из-за опечаток текст приходилось вновь и вновь перепечатывать). Кроме того, машинка уступала ручке в мобильности и компактности: ручку всегда можно было иметь под рукой, чего никак не скажешь о громоздкой машинке. Разделение функций сохранялось, рукопись выполняла функцию черновика, а машинка использовалась для белой версии произведения. Отредактированный и подписанный автором машинописный текст (статья, отдаваемая в редакцию газеты или журнала, текст диссертации, роман, подборка стихотворений, монография...) передавался в издательство или хранился в ящике письменного стола. Стоит отметить, что машинописная страница сохранила ряд черт, которые сближают ее с рукописью. «Инкрустация» текста вставками от руки делала его наполовину рукописным. По количеству экземпляров, выдаваемых за один раз, машинка, конечно, превосходила производительность пишущей руки, но это превосходство не было подавляющим. Существенно и то обстоятельство, что первый экземпляр машинописи было легко отличить от последующих «на глаз». Для опытного человека шрифт машинки мог служить средством ат-

Если же говорить не о профессионалах письма, а о «массе пишущих», то есть о тех, кто вел переписку, писал в дневник, корпел над сочинениями, делал конспекты, готовил курсовые и дипломные работы, сочинял стихи, писал воспоминания, etc., то они — в массе своей — хранили верность карандашу и ручке.

Положение изменилось с переходом к электронно-цифровому кодированию слова. Местом *визуализации внутренней речи* стал экран монитора. Не являясь *стабильным телом текста* (погасший экран не являет собой никакого — ни одного — текста), экран стал местом *актуализации любых текстов*. Правда, при одном неперменном условии: отображаемый текст должен быть переведен в электронную форму (закодирован). Экран — *временное тело текста*; именно благодаря свободе от необходимости нести ношу определенного текста он получил возможность становиться (на время) *телом любого текста*.

Экран подобен зеркалу: на его всегда равной себе поверхности возникают и исчезают, не оставляя следа, бесчисленные знаки и образы. Изображение на экране, как и зеркальный образ, только обнаруживает себя на его поверхности, но не становится ее принадлежностью. Впрочем, аналогия с зеркалом хромает: зеркало отображает *реальность* (вещи), в то время как на экране монитора (монитора компьютера, телевизора, мобильного телефона) изображения симулируются компьютером, трансформирующим электронно-цифровой код в видимые на экране текст, фотографию, картину, etc.

Итак, *экранный текст ситуативно и симулятивно*. По одному щелчку мыши тексты появляются на экране, по другому — исчезают с его поверхности. Из памяти компьютера их извлекают ради того, чтобы на время дать им экранное тело, а потом вновь свернуть в безвидную форму цифрового кода.

Экранная локализация фиксированного слова *продолжает традицию* техник «остановки слова» (то есть традицию письменной речи), предполагавшую не вслушивание, а

рибутирования анонимного текста: если он был напечатан на той же машинке («западающая буква»), что и другие тексты, авторство которых установлено (одной машинкой пользовались годами), то вероятность его принадлежности именно этому автору можно было рассматривать как весьма вероятную. То есть связь автора с телом текста в какой-то мере здесь еще сохранялась.

чтение и устанавливавшую дистанцию между словом и его получателем (в частности, между словом и писателем).

В том, что касается чтения «с экрана», то оно и сегодня осуществляется практически так же, как в те годы, когда слова гнездились в свитках, рукописных кодексах и печатных книгах. Различие между *чтением печатного текста* и *чтением электронной странички* на экране ноутбука меньше, чем различие между чтением рукописи и печатной страницы книги⁷. В то же время (и как раз это представляет для нас наибольший интерес) экранная локализация слова существенным образом изменяет и характер телесного взаимодействия с текстом, и способы его хранения и передачи другому человеку.

Ручная работа: печать и кодирование. Если техника считывания выведенного на экран слова остается традиционной, то этого не скажешь о технике создания текста и о способе его обнаружения. Клавиатура компьютера — не более чем интерфейс машины, сообразующейся с возможностями человеческого тела, с его морфологией. Взаимодействие с «листом бумаги» на экране и с клавиатурой ПК только *имитирует работу за клавиатурой печатной машинки*. Пользователь, ударяя по клавишам, не печатает, а *вводит цифровой код*, хотя видит при этом перед собой «напечатанный» текст⁸, образ которого симулируется на экране с помощью программного обеспечения ЭВМ⁹. Клавиатура здесь — не более чем

⁷ С рукописным и печатным телом текста электронно-цифровой способ фиксации слова сближает еще и то обстоятельство, что на стадии его создания человек закрепляет свою внутреннюю речь, обращаясь, как и в прошлом, к помощи глаз и рук. Читающий с монитора по-прежнему пользуется кистью руки (это она передвигает текст по экрану с помощью клавиш) и глазами, скользящими по имитирующему бумажный лист экрану слева направо и сверху вниз. Когда мы создаем текст, то все выглядит так, *как если бы мы работали с бумагой и клавиатурой печатной машинки*.

⁸ Печать «на экране» может подаваться и в ином виде, то есть не только в форме листа бумаги, заполненного машинописным текстом. «Рукопись» можно визуализировать в образе книжной страницы того или иного формата, газетной полосы и т. д.

⁹ В некоторых случаях мы будем пользоваться этой устаревшей, но зато «говорящей» для русского уха аббревиатурой ЭВМ (электронно-вычислительная машина).

посредник между человеческим телом и машиной. Взаимодействие с клавиатурой (как бы «печать») представляет собой преобразование слов внутренней речи писателя в электронные сигналы, трансформируемые посредством программного обеспечения в экранный образ слова: каждому нажатию клавиши соответствует «след» на экране монитора. Электронный файл (цифровой код) можно в любой момент трансформировать в текст-на-экране. Однако цифровой аналог текста попадает в зависимость от машины не только на стадии создания текста, но и в фазе его хранения и чтения. Только с помощью ЭВМ закодированное слово обретает видимость печати и становится доступным для чтения. «Текст все время выглядит, но никогда не является...»¹⁰ За дружественным интерфейсом скрывается новый способ первичной фиксации слова: слово сохраняет вычислительная машина. Принципиально новым моментом в топологии *фиксированного* слова на стадии его цифрового кодирования является тот факт, что виртуальное (закодированное) слово не имеет *постоянного носителя*, что его *визуальное тело* произвольно конструируется с помощью операциональной оболочки и программы по редактированию текстов.

Запечатленный традиционным способом текст был овеществленным текстом, и до тех пор, пока его материальный носитель не разрушился, его мог прочесть любой человек. Если прежде печатная машинка и типографский станок «пачкали бумагу» (пусть и не так, как это делал скриптор), то текст, созданный с помощью компьютера, представляет собой *ручной*¹¹ (познаковый) *способ цифрового кодирования слова*. Процесс «письма» стал двойственным. Пользователь ПК (писатель) одновременно и работает со словом (которое «как бы зафиксировано» на листе бумаги перед его глазами), и вводит цифровой код, переводимый в экранные знаки и буквы вычислительной машиной. Ни письма, ни печати здесь, собственно, нет. После завершения «письма» («печати») в мак-

¹⁰ Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Текстура текста: Персей, щит, Медуза // *Mixtura verborum* 2004: пространство симпозиона. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2004. С. 25–40.

¹¹ Уже сегодня распространяются новые способы ввода информации: «с голоса», «со сканера», «с флеш-памяти фотоаппарата»...

*ромире повседневности не остается никакого текста (никакого тела текста). Остается только электронный (невидимый, недоступный для восприятия) файл как возможность визуализации кода в виде текста, осуществимая при наличии компьютера и питающей его электрической сети*¹². Нет компьютера — нет «написанного».

Итак, став виртуальным, фиксированное слово утрачивает стабильное тело, а на его месте обосновывается ситуативно воспроизводимый на экране «образ тела». Спрашивается, каковы последствия массового перехода к электронно-цифровому способу фиксации слова? Их немало, но мы остановимся только на тех, которые представляют интерес для разрабатываемой нами топологической проблематики.

Повсюду и нигде (тело, код, экран). Размещенная в Сети виртуальная «рукопись» (набранный вручную код) представляет собой «рукопись» со смещенными характеристиками. Это «рукописный» текст, который с самого начала обладает качеством «публичности» (широкой доступности). Такой текст (в качестве визуально воспринимаемой совокупности слов) находится «всюду и нигде», что означает: его можно визуализировать в любом охваченном Сетью месте планеты и при желании материализовать (распечатать).

Такой текст больше не является телом с нанесенными на него знаками. Электронный код текст — это *возможность тела текста* (его поддающийся машинной расшифровке код). Возможность тела-текста (код) может быть визуализирована в образе *экранного или распечатанного текста*. Закодированное слово в любой момент можно актуализировать на экране монитора *при условии исправного функционирования техники*

¹² При компьютерном наборе слово не фиксируют «буквально», а кодируют (т. е. переводят с помощью машины в недоступную человеческому восприятию и сознанию форму) и сохраняют в памяти машины. При этом *выглядит* это как «ручная работа» с «печатным текстом». Человек вручную (пальчиками) собирает из букв слова, из слов — предложения и тексты, сохраняемые на внешнем (по отношению к человеку) носителе. Но техника *фиксации и трансляции* текстов при этом существенно меняется. За привычной деятельностью стоит уже не механическое взаимодействие тел (письмо, печать), а «биты информации».

(компьютер, электрическое питание, отсутствие сбоев в работе соответствующих программ), которая обеспечивает перевод кода в изображение букв и слов (куколка кода трансформируется в бабочку экранного образа или в крылатую бабочку распечатки).

Виртуальную рукопись можно увидеть в любом месте планеты именно потому, что ее нет как определенного, относительно стабильного тела; ей может быть придан любой (в пределах технических возможностей компьютера и его программного обеспечения) облик, она может вообразиться в любом экранном или печатном теле. Экранные тела текстов и их распечатки могут иметь разную величину, разный шрифт, их можно поразному размещать на плоскости, по которой стелются знаки, и т. д. Отсутствие у слова «тела слова» позволяет вести бесконечную игру с его экранным симулякрот. «Пишущий» создает информационную **возможность** зрительного (симулированного на экране) тела как «визуальной проекции» информации (кода). Виртуальному тексту может быть придан любой, даже рукописный образ. Больше того, при желании, можно списать фрагмент текста с экрана. Однако и в этом, явно маргинальном, акте списывания тело остается встроенным в техническую систему и занимает место, отведенное ему в линейке множительно-копировальной техники (в ряду сканеров и принтеров). Акт списывания с экрана дает не рукопись, а всего лишь *рукописную модификацию виртуального слова*¹³.

В том, что касается доступности для чтения, никакой текст, изданный на бумажном носителе, не сравнится с текстом, размещенным в Сети. Для призраков нет преград. Код вездесущ, он «есть» там, где есть Сеть. И если тексты на бумажных носителях еще сохраняют позиции в публичном пространстве, то это связано с привычками тела (с удобством пользования книгой) и с легитимирующей функцией печатных изданий.

¹³ Рукопись, списанная с экрана, становится в один ряд со страничкой, выползающей из принтера. Причем в соревновании с электронным конкурентом человек заранее обречен на отставание и в скорости работы, и в точности считывания, и в качестве «обналички» виртуального слова (человек допускает ошибки, его почерк не всегда разборчив).

Подведем некоторые итоги. Электронный текст изначально лишен экзemplарности. Электронное слово, как и слово на «традиционных носителях», можно, при желании, зафиксировать на внешнем носителе, но *носитель электронного текста* (электронное «тело текста», запоминающее устройство) *хранит не слово, переведенное в форму, доступную для чтения (как в случае с рукописью и печатным словом), а слово, трансформированное в электронно-цифровой код*¹⁴. Форма цифрового кода недоступна для чтения «напрямую», а потому *должна каждый раз трансформироваться в привычную, воспринимаемую «на глаз» печатную форму*. Зафиксированный электронной памятью файл — это *не текст, обладающий собственной текстурой, но лишь возможность его визуализации*.

Работа с экранном словом и техника создания текста (от своего — к чужому). Техника работы со словом во многом определяется тем, как и в каком материале его закрепляют с целью хранения и последующего использования. Очевидно, что глиняная табличка не благоприятствует развернутому повествованию¹⁵, а папирус, напротив, располагает к нему. С дорогим и долговечным пергаментом нельзя обращаться так, как с берестой или дешевой бумагой фабричного производства. На пергаменте не будешь обмениваться новостями, писать о мелочах, о бытовых заботах и происшествиях. Исходя из сказанного, можно предположить, что «экра-

¹⁴ Конечно, письменная речь, если ее сопоставить с устной речью, также представляет собой закодированное слово, но это такая кодировка, которая осуществляется на телах, соразмерных человеческому телу (глиняная табличка, свиток, лист бумаги), и, соответственно, может быть прочитана любым грамотным человеком (имеющий глаза — прочтет). Слово, преобразованное в электронно-цифровой код, обретает *электронно-цифровое тело*, не допускающее прямого считывания, то есть не являющееся телом текста для человека. Именно поэтому его приходится трансформировать с помощью машины в *экранное тело* текста, с которым человек может работать.

¹⁵ Речь, конечно, о том, к чему располагает материал, а не о «железной необходимости». Глиняные таблички, дошедшие до нас от крито-микенской культуры, содержат преимущественно описи имущества дворцовых хозяйств. Однако таблички шумеров послужили носителем для пространного шумерского эпоса.

низация» слова должна каким-то образом вести к трансформации привычных форм взаимодействия со словом.

Первое, на что мы обращаем внимание, — это то, что **дистанция** между пишущим (подыскивающим нужные слова под имеющиеся в душе мысли, чувства, переживания и образы) и созерцающим написанное (тем же человеком, но в роли читателя и критика текста) при работе с экранным словом **увеличивается**. В прежние времена сочинитель видел перед собой след собственной руки, и ему трудно было отнестись к написанному «объективно», с позиции читателя «со стороны», теперь же перед ним страничка, заполненная четким, однородным печатным шрифтом, который выглядит, пожалуй, даже лучше, чем лист, отпечатанный на машинке. На такой текст проще смотреть сторонним оком, то есть так, как если бы ты читал не свой, а чей-то (чужой) текст. Именно сторонний взгляд (взгляд «глазами другого») позволяет увидеть в написанном огрехи, недочеты, слабые места и, не откладывая дела в долгий ящик, перейти к его правке.

Опыт переживания своего слова как чужого в печатную эпоху достигался не столько по ходу работы над рукописью, сколько уже после того, как текст был написан (этим объективированным текстом мог быть беловик рукописи, машинописная копия, типографская корректура). При работе за компьютером эффект отстранения возникает сразу же, то есть уже на этапе создания текста. Человек, работающий с экранным словом, дистанцирован от сочиняемого им текста куда больше, чем тот, кто пишет, создавая рукопись. Корректировка написанного, правка «по свежим следам» при работе с виртуальным словом заметно интенсифицируется¹⁶. Читая текст глазами другого (глазами возможного читателя), автор волей-неволей занимает критическую позицию по отношению к написанному им. В результате работа (доклад, статья, эссе, рассказ...) становится более рациональной и отрефлексированной.

¹⁶ Понятно, что дистанция по отношению к фиксированному слову возникает у автора всегда, независимо от того, каким образом он «стабилизирует» слово. Но мера отчужденности (отстраненности) от текста может сильно варьироваться. История запечатленного слова демонстрирует тенденцию к все большей дистанцированности (на уровне восприятия) пишущего от написанного им.

Дело, конечно, не только в возрастании дистанции. Свою роль тут играет *легкость (предательская легкость!)*, с которой текст, набранный на клавиатуре компьютера, поддается исправлению. Любая редакторская программа позволяет быстро вносить правку, не усложняя при этом визуальной картины текста на экране. Это совершенно особый тип правки — правка без «грязи»; она — по темпу и по последствиям для восприятия текста — резко контрастирует с правкой текста, написанного от руки. Рукописная страница, по которой два или три раза прошли редакторским карандашом, становится «нечитабельной», и с ней уже невозможно работать. Рукопись надо заново переписывать и только после этого можно продолжить ее редактирование. Экранная «страница» переносит *любое число исправлений*.

Предоставляемая вычислительной машиной возможность перетасовывать фрагменты уже написанного текста, инкрустируя его ценными минералами, обнаруженными в необработанной руде черновиков, и самоцветными цитатами из сочинений других авторов, удобство в исправлении написанного в чем-то облегчают, а в чем-то и усложняют труд писателя. Если прежде сочинитель принужден был тщательно обдумать мысль, образ, сюжет и только потом садиться за письменный стол, то теперь он начинает писать при первых проблесках мысли, успокаивает себя тем, что сейчас он зафиксирует «мелькнувшее» в сознании «нечто», а потом «довеет мысль до ума». Однако работа над сочинением, *вопреки ожиданию, затягивается*. Автор поневоле втягивается в исправление уже «готового» текста. Начать писать виртуальный текст — просто, завершить его — не легко.

Но вот текст выправлен, скомпонован, проверен. Пришло время распечатать и прочесть его. И тут работа над, казалось бы, уже завершенным произведением выходит на новый уровень. Текст, который в экранном его варианте выглядел вполне пристойно, при работе с распечаткой вновь обнаруживает множество слабых мест, ошибок и шероховатостей. Так заявляет о себе эффект «материализации», эффект воплощения печатного образа. Новый способ существования текста (текст на бумаге) обновляет восприятие написанного и, соответственно, приводит к обнаружению новых

«недочетов», дает повод для очередной правки. Теперь она осуществляется по бумажной распечатке с последующим переносом исправлений в память компьютера. Исправленный текст вновь и вновь распечатывается, читается, в него вносятся исправления, они «забываются» в память ПК, и так до тех пор, пока автор не признает написанное достойным того, чтобы отправить его «в люди»¹⁷.

Слово без тела — свобода без ответственности (от общения людей к взаимодействию персонажей). Интернет, соединивший в одном виртуальном пространстве миллионы пользователей, породил новые формы опосредованного «письменной речью» общения. Широкое распространение экранных форм письма и чтения при соединении с возможностями почти мгновенной передачи электронных текстов в любую точку земного шара привело к трансформации старого, давно сложившегося в рукописную эпоху эпистолярного жанра и к появлению новых, никому прежде неизвестных способов коммуникации. Новые формы непрямого (бесконтактного) общения всем хорошо известны: тут и SMS сообщения, и интернет-дискуссии (форумы, блоги), и ICQ. Что же привнесли они в речевое взаимодействие?

Прежние формы заочного общения — общения-по-переписке — хотя и содержали в себе зачатки общения-в-диалоге, но в полной мере реализовать его не могли¹⁸. Общение по переписке «на бумажных носителях» оставалось в основе своей *общением знакомых*, опиравшимся больше на повествование, чем на диалогическую форму вопроса и ответа. Из-за задержки с доставкой корреспонденции при пересылке обычной по-

¹⁷ Понятно, что не все пишущие придерживаются такого многоступенчатого порядка работы с экраным текстом. Многие пишущие (и создающие качественные тексты) ограничиваются правкой непосредственно текста на экране. Однако нам важно было показать работу с экраным текстом в ее максимально развернутой (прозрачной) форме.

¹⁸ Бумажное письмо несло в себе «зачатки» диалогического общения в форме вопросов и ответов, комментариев и реплик, обмена новостями, etc., но эти «ростки» не могли развиваться в диалог (беседу) из-за весьма значительного временного лага, разделявшего вопросы и ответы.

чтой письмо по необходимости строились как рассказ о жизни, как повествование о произошедшем с корреспондентом за определенный (исчисляемый днями, неделями или даже месяцами) период времени.

В новых, опосредованных электронными сетями формах общения его диалогическая составляющая значительно усилилась. Заочное общение сдвинулось от формы биографически фундированной переписки (общение с людьми, которых знаешь лично) к персонажному, анонимному общению виртуалов. Экранное слово с его почти мгновенной передачей сообщения от пользователя к пользователю и с практикой речевого взаимодействия людей, малознакомых друг другу, создало почву для обмена фиксированными сообщениями в режиме беседы¹⁹. Благодаря Сети появилась возможность «беседовать» глазами, беседовать заочно... Сегодня беседа посредством экрана («разговор» в актуальном режиме) не только оказывает существенное воздействие на традиционные нормативы письменной речи (подробнее об этом ниже), но и представляет собой коммуникативную базу виртуально-языковых сообществ. В чем же специфика виртуального взаимодействия?

Начнем с того, что в Сети общаются не люди, а анонимы в виртуальных масках и так называемые «виртуалы». Если фигура человека в маске, вещающего под прикрытием псевдонима, более или менее всем знакома, то о фигуре «виртуала» этого сказать нельзя. Для уточнения термина «виртуал» воспользуемся характеристикой, которую дает ему Е. А. Иваненко: «Виртуал — это тот, кто симулирует имя, фамилию, биографические данные, черты характера и т. д., однако... виртуалом не называют человека, который просто не склонен сообщать свое настоящее имя и везде выступает под одним и

¹⁹ Если сетевая переписка, общение на площадках блогов и форумов тяготеет к жанру беседы, предметного общения вокруг какой-то общей темы, то взаимодействие в режиме SMS и ICQ напоминает знакомую по школе (во всяком случае — по старой, «немобильной» школе) модель общения с помощью записочек, которые передают (перекидывают) во время урока друг другу одноклассники. Скоростные режимы обмена «записочками» отсылают к текущему самоощущению общающихся (где человек находится, что делает, что думает, чувствует, чего хочет) и т. д.

тем же псевдонимом, не пытаясь при этом моделировать не присущие ему как личности качества. Нередко виртуалы создаются для того, чтобы «почувствовать себя другим человеком». Эта практика популярна среди пользователей блогов, которые пишут от имени виртуалов о чем-то, о чем не хотят или не могут писать от собственного лица. Часто с помощью виртуалов организуются провокации, попытки вызвать общественный резонанс, так как обычно цель «почувствовать себя другим человеком» достигается только через привлечение к своему виртуалу внимания других людей»²⁰. Виртуал как коммуникативный образ подчинен воле своего создателя и хозяина. Хозяин пользуется «коммуникативной маской», посредством которой он может реализовать те возможности своего «я», которые он не может осуществить в границах своей реальности²¹ (не может из-за стеснения, боязни, стыда, отсутствия собеседников, социальных барьеров и т. д.).

Новые, виртуальные формы общения складываются на площадке экранного слова; именно на этой основе и возникают виртуальные общности (общества анонимных персонажей). В сетевые сообщества входят не только собственно виртуа-

²⁰ Иваненко Е. А. Критика виртуального разума, или Быть Джоном Малковичем // *Mixtura verborum* 2008: небытие в маске. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2008. С. 5.

²¹ «Интернет изменяет привычную связку: одно тело — одна идентичность. Если в физическом мире имперсонация, за исключением клинических случаев раздвоения личности, требует значительных усилий (пластическая хирургия, макияж, грим) и времени, то в сети оборачивание лишено этих недостатков и не ограничено физико-биологическими константами. Виртуальное поощряет оборотничество (причем без выпадения волос, вырастания клыков и тому подобных мучений): можно быть кем угодно и когда угодно. /.../ Это мистификация в бесконечности, потому что нет возможности поставить точку — любое признание может (и должно по законам Сети) быть расценено как очередная мистификация. Оборотничество двойко: между виртуалами одного автора и между самим автором и его виртуалами. Такая мерцающая идентичность порождает игры в ускользание, где виртуал, при всей его интенсивности, всегда остается только возможным. Столь легкая возможность быть кем-то другим чревата потерей единственной личности — обезличиванием в многоликости, что регулярно и происходит с пользователями виртуальной реальности» (Иваненко Е. А. Критика виртуального разума... С. 8–9).

лы, большинство их членов — обычные «завсегдатаи сети», прячущие свои лица под псевдонимами. Ники, сетевые имена, обычно сопровождаются фотографиями артистов, изображениями героев мультфильмов, фотографиями зверей и вещей, etc., полובившимися хозяевами персонажей и служащими чем-то вроде эмблемы с фамильного герба в иронической обработке наших дней²². Как видим, граница между

²² Говоря о виртуале как о персонаже, следует проводить различие между Интернет-персонажами («виртуалами») и персонажами литературными. Здесь вполне уместен вопрос, который задает Е. А. Иваненко: «Какова онтологическая природа виртуальной личности — в чем ее отличие от реального человека, с одной стороны, и литературного персонажа, с другой? ...Если персонаж по умолчанию вымышлен, то степень реальности виртуала не определена — он вполне может оказаться человеком» (Иваненко Е. А. Критика виртуального разума... С. 10). Речь идет о том, что, находясь в виртуальном пространстве, часто невозможно сказать: стоит ли за субъектом сетевого высказывания реальный человек (то есть «говорит» ли он от себя лично (и его имя — это его имя)) или, может быть, это псевдоним, или мы имеем дело с виртуалом.

Есть и другой момент, отделяющий виртуала от литературного персонажа. Активность персонажа художественного произведения раз и навсегда ограничена авторской волей. Сотворенный автором персонаж никогда не скажет о себе, о других, о мире того, чего он — волей автора и по логике созданного им образа — уже не сказал. Читатель может вести с персонажем внутренний диалог, но тогда ему придется не только задавать за персонажа вопросы, но также и отвечать на них от его имени. Другими словами, ему придется, опираясь на довоображенный им самим образ, беседовать с самим собой как с другим (как с литературным персонажем). Можно бесконечно интерпретировать слова литературного персонажа, но это будет разговор с другим собой. Персонаж не прервет тебя и не скажет: «Хватит, довольно молоть чепуху! Не надо за меня ничего выдумывать. Послушай, что я думаю по этому поводу!» В общении Интернет-персонажей за каждым из сообщений стоит реальный человек, так что и его вопросы, и его ответы — это вопросы и ответы, исходящие из какой-то иной точки присутствия. Персонаж, с которым приходится иметь дело в Сети, всегда остается автономным, независимым от меня центром высказывания. За таким персонажем в конечном счете стоит некто живой, имеющий тело. А потому Интернет-персонаж всегда непредсказуем и активен. Виртуальный персонаж (виртуал) — это становящийся вербальный образ.

анонимом в маске и виртуалом весьма условна. Анонимность общения «под псевдонимом» (под маской) и с помощью виртуальных персонажей дает субъекту речи и слову невиданную прежде свободу, отпускает его «на волю». Такое освобожденное от связи с определенным телом, отвязанное слово становится развяз(а)н(н)ым словом; утрачивает свой онтологический вес и экзистенциальную «плотность».

Характерная для опосредованного письмом-на-бумаге общения ответственность за написанное сохраняется (пусть в ослабленном виде) и в случае сетевой коммуникации. Так бывает, когда взаимодействуют люди, лично знающие друг друга (это большая часть электронной переписки, это разнообразные формы общения в режиме ICQ, это проекты типа «Вконтакте», «Одноклассники», «Мой мир»). Однако очень значительная по объему часть сетевой коммуникации — это обмены сообщениями между анонимами, взаимодействующими на площадках форумов, в блогосфере и в игровых пространствах виртуального мира. В таком общении слово оказывается полностью оторвано от произносящего его тела. Народная мудрость, выраженная в пословицах «Слово не воробей — выпустил, не поймает» и «Что написано пером — не вырубишь топором», перестает работать, как только мы пытаемся применить ее к реальности сетевого взаимодействия анонимных персонажей. Народная мудрость утрачивает свою силу из-за невозможности вменить написанное («вырубленное») в Сети определенному человеку (определенному телу). Пословица исходит из очевидной когда-то связи сказанного/написанного слова с полнотой телесного присутствия человека: за слово несло ответственность пустившее его в мир тело. Если слово сказано, то оно сказано кем-то, если написано, то у написанного есть автор: вот его рука, вот его неповторимый почерк.

Трансформация человека в виртуала, который имеет «лицо» постольку, поскольку его речь (грамматически) строится от первого лица²³, ведет к карнавализации экранного

²³ «Тождество “Я”, идентичность... как-то причудливо изменяется. ...Никакое “Я” не пристегнуть к высказыванию в виртуальном пространстве. Тем не менее, у... высказывания в сети есть некий аналог “Я” — личное местоимение, *лицо*, от которого высказывание

слова. Сладость виртуального общения в значительной степени как раз и состоит в его анонимности, соответственно — в полной свободе (безнаказанности) «говорения». Хозяин виртуала и пользователь, выступающий «под маской» (под псевдонимом), уверен, что «за базар» отвечать не придется. Можно писать о чем угодно, можно, не задумываясь, менять пол, возраст, биографию, сферу деятельности, политические убеждения и т. д. Так, к примеру, суждения, которые человек, принадлежащий к академическому сообществу, никогда не рискнет произнести от своего имени, он вполне может «выкатить» на форум, выступив «под маской».

Экранное слово в Сети — это «пластичный материал», из которого пользователь лепит тот или иной вербальный образ. Автор блога, то есть человек, чья субъективность обнаруживает себя через «порядок слов», — это, в сущности, «говорящая маска». Сознательное искажение привычных слов, нарушение грамматических, синтаксических и стилистических норм, использование ненормативной лексики, злоупотребление неологизмами объясняются стремлением пользователей сделать своего виртуала яркой, запоминающейся сетевой фигурой. Работая со словом, как с глиной или с папье-маше, хозяин виртуала ищет способ придать «вербальной маске» рельеф, чтобы выделить ее из множества других масок.

В каком же пространстве общаются виртуальные трансформеры? Коммуникация осуществляется в виртуальном измерении «как бы», то есть там, где воображаемые «я» существ «из плоти и крови» раскрывают себя через речевые акты виртуалов. В каком-то смысле все субъекты сетевого общения, поскольку они не указывают свои реальные имя и фамилию, место жизни и работы, выступают как виртуальные персонажи. Ведь никто точно не знает: пишет ли человек, прикрывшийся псевдонимом, «от себя», или он играет виртуальной игрушкой, моделируя с ее помощью один из своих возможных (виртуальных) образов. И хотя люди, скрывающиеся под никами, чаще говорят о своих действительных проблемах, переживаниях, мыслях, мечтах и страхах, но так состоялось. *Лицо* как культурно-антропологическая величина меняется на *лицо* как грамматическую форму, личное местоимение» (Иваненко Е. А. Указ. соч. С. 7).

как есть те, кто осознанно и целенаправленно творит виртуалов, давая слово возможным «я», то эти подлинные мысли и переживания воспринимаются другими участниками сетевого маскарада в модусе «как бы». Никогда нельзя установить с точностью, что из того, что можно прочесть в сети, принадлежит реальным людям, а что — полностью или частично выдуманно, разыграно, использовано, как краска, анимирующая виртуальную маску. Так слово, пущенное в виртуальное пространство, освобождается от человека, человек же освобождается от ответственности «за слово», с упоением отдаваясь игре в слова и образы, инвестируя время своей жизни в «жизнь» персонажей, наигрывая новые для себя роли, обменивая свое «есть» на вариативное «как бы есть» виртуала.

Актерство, клоунада, провокация, розыгрыш, блеф, столь широко распространившиеся в лабиринтах виртуального мира, можно соотнести с характерной для общества экрана тягой к игре на публику, с влечением к бесконечным переодеваниям и мистификациям. В обществе, где профессия актера (включая сюда политический театр) стала одной из самых престижных и популярных²⁴, персонажно-игровое взаимодействие сетевых персонажей прекрасно вписывается в цивилизационное пространство позднего модерна, в котором вечное становление рассматривается как куда большая ценность, чем совершенная полнота ставшего, где принцип различия выходит на первый план, а принцип тождества, идентичности, верности (во всех смыслах, в том числе в значении верности слову) давно уже стал мишенью для насмешек.

Если вспомнить Бахтина с его персоналистическим принципом «личной подписи», увязывавшим бытие от первого лица с принципом «не-алиби в бытии», то надо сказать, что в пространстве Сети действует принцип, прямо противоположный бахтинской максиме: принцип «вечного алиби» и «от-

²⁴ Не стоит забывать, что популярной эта профессия стала совсем недавно. Еще в конце XIX-го столетия стезя актера (и особенно — актрисы), предполагавшая временную потерю лица, лицедейство, перевоплощение в персонажа пьесы и зависимость от публики, у многих вызывала сомнение. Родители, имевшие «положение в обществе», как правило, активно противодействовали желанию детей «уйти в актеры».

сутствия личной подписи». Здесь всем заправляет не персональная ответственность за сказанное и сделанное, но анонимность и безответственность. Безответственность, коренящаяся в чувстве безнаказанности, «развязывает язык», освобождает, но при этом и угрожает личности, ее единству и аутентичности: жизнь может так и остаться недоовещенной, неразличимой среди множества других жизней. Жизнь неразличима там, где отсутствует неповторимый росчерк судьбы этого-вот человека.

В чем-то существенном «Интернет-актерство» идет даже дальше актерства актеров театра и кино. Актер играет роль, написанную другим (драматургом, сценаристом). Вдобавок, он играет ее в соответствии с концепцией, предложенной режиссером, в то время как пользователь Интернет создает своего виртуала (или свою маску) самостоятельно и от его «лица» взаимодействует с такими же «переодетыми», «текущими» Интернет-субъектами. Взаимодействие виртуалов на сетевой сценической площадке происходит «не по написанному», а в режиме здесь-и-теперь творимого диалога, в непредсказуемой смене реплик и комментариев к ним. Происходит все это не в выделенном из основного пространства-времени жизни пространстве сцены, а в режиме импровизации «on-line».

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство: если мы отделим актера от исполняемой им роли (отвечая на вопрос: «Кто играет?»), то Интернет-актеры, разыгрывающие все новые и новые виртуальные роли (меняя пол, возраст, профессию, мировоззрение), обречены оставаться виртуалами, а тот, кто «играет» виртуалами на подмостках Сети, обречен на неразличимость в складках отбрасываемой его виртуалом (виртуалами) тени.

Выплеснувшееся на экраны анонимное (=персонажное) и полностью бесцензурное слово (модерирование части форумов общей ситуации не меняет) провоцирует «сетевика» на игнорирование языковых норм и правил, на использование табуированной лексики, etc. Однако в Сети возможно не только нарушение языковых норм, здесь можно «публично» (то есть в разговоре с чужими, а не в доверительной беседе с врачом) обсуждать вопросы, которые в первой реальности

сформулировать «вслух», пожалуй, решились бы очень немногие. Почему немногие? Из-за чувства стыда. У большинства людей это чувство еще живо. Человеку бывает стыдно за какие-то свои поступки; есть вещи, о которых ему стыдно говорить прилюдно, их можно открыть только священнику или врачу. Утрата частью участников интернет-тусовок такого регулятора поведения, как стыд, — одно из следствий перехода от ручного письма (зримо удерживающего соотнесенность пишущего и написанного) к бесконтактному режиму экранной симуляции слова, когда «пишущим» оказывается не кто-то, а *некто-никто*. Это именно *некто*: на форуме его какое-то время можно отличить от других «собеседников», но вне форума он для них — *никто* (и звать его — «никак»). Отвязанность слова от тела и дела приводит к тому, что пользователи, тусующиеся на сетевых площадках, могут «заголяться» «по самое не хочу» и выставлять свою интимную жизнь на всеобщее обозрение²⁵. Интернет на по-

²⁵ Едва ли можно сомневаться в том, что виртуализация слова поощряет эксбиционизм (понимая этот термин расширительно, как тягу к демонстрации интимных, частных сторон своей жизни на публике). Впрочем, наблюдение за поведением пользователей Интернета позволяет говорить о том, что экранное слово располагает не только к эксбиционизму, но и к вуайеризму (понимаемому опять же в расширительном, выходящем за рамки сексопатологии смысле влечения к подсматриванию за частной жизнью других людей). Соблазн подсматривания (назовем его комплексом «любопытной Варвары») — это не только фигура подглядывающего за сексуальной жизнью другого (эту нишу давно заняли порносайты), но и фигура подглядывающего за скрытой от посторонних частной жизнью «других». Именно на влечении человека к подглядыванию паразитируют разработчики программ, предлагающие приобрести продукт, делающий одного пользователя «невидимым» при появлении на персональной страничке другого пользователя (программа «Невидимка», распространяемая среди пользователей проекта «Мой мир»). Не случайно и то, что подобные программы Интернет-коробейники распространяют там, где сетевые странички принадлежат реальным людям и рассчитаны на общение людей, знакомых друг с другом по «первой реальности» («тайны» знакомцев влекут больше, чем тайны незнакомцев). Однако вуайеристскую составляющую во взаимодействии со словом (заглядывание в «чужие письма») нельзя назвать преобладающей. Дело в том, что вуайеристский комплекс в

вом уровне воспроизводит ситуацию «вагонной исповеди»: встретившись с незнакомцем в поезде дальнего следования, человек рассказывает ему то, чего никогда бы не рассказал своим близким. В Сети ситуация радикализуется: пользователь говорит с человеком как бы «через ширму», он не видит того, с кем разговаривает, перед кем раскрывает «тайны своей жизни», а тот не видит его²⁶.

Виртуальное слово и сообщества. Виртуальное пространство Сети исподволь приучает нас (некоторых, впрочем, уже приучило) *жить в двух мирах одновременно: в реальном мире, где мы включены в общности, складывающиеся на природной (например, половозрастной) и социокультурной основе, и в виртуальном мире, где сообщества структурируются вокруг таких сетевых образований, как блог, форум, сетевая игра, etc.*

Общности первого типа являются телоцентричными (поскольку они так или иначе основываются на коммуникации мыслящих тел, вступающих во взаимодействие с другими телами), а вторые — виртуально-грамматическими, где субъекты взаимодействия опираются только на фиксированное слово и освобождены от давления телесности, оставляющий био-графический след.

Если общности первой реальности (реальности рождений и смертей) имеют *как речевую, так и неречевую основу*, то общности, складывающиеся в виртуальном пространстве,

отношении к другому не может реализоваться в полной мере там, где нет другого тела (где люди скрываются под масками, выставляя вместо себя виртуалов). В то же время, едва ли можно говорить о вуайеристе и вуайеризме там, где отсутствует стеснительность и люди выворачивают на всеобщее обозрение «интимную» жизнь и «затаенные» переживания. Может ли вуайерист получить удовольствие от подсматривания там, где на место замочной скважины вставлена веб-камера, делающая доступной всем желающим свою «частную» (?) жизнь?

²⁶ Сетевые откровения неизбежно оказываются суше, эмоционально беднее, чем в ситуации исповеди перед «первым встречным». Исповедоваться перед экранным персонажем — это совсем не то, что излить душу, видя другого человека, глядя ему в глаза и слыша его голос.

возникают и удерживаются посредством выведенных на экран слов и только потом — с помощью фотографий и видеоматериалов. В первой реальности о нашей принадлежности к определенным общностям свидетельствует и тело с нанесенной на него «разметкой» (одеждой, прической, украшениями, татуировкой, пирсингом), и дом, и домашняя обстановка, и машина (или отсутствие оной), etc.²⁷. Не так обстоит дело в интерактивном пространстве Сети, где тела и вещи отсутствуют. Здесь дама «с опытом» может попробовать себя в амплу молоденькой девушки, провинциал — примерить маску столичного жителя, а чиновник — испытать себя в роли крайне правого (или крайнего левого) идеолога. Сетевые сообщества быстро складываются и быстро распадаются. Чтобы тебя приняли в виртуальную компанию, особых усилий не требуется: требуется «всего лишь» затратить время и вставить слово в череду слов. Чтобы кем-то считаться, здесь достаточно кем-то назваться²⁸. Репутация Интернет-персона-

²⁷ Отправляясь от предварительного («на глазок») знания того, с кем вы собираетесь общаться, вы обогащаете это знание — по ходу беседы — подробностями. В наши дни социальные группы становятся все более текучими и подвижными. Часто наш современник меняет за свою жизнь несколько профессий: вчера еще он был офицером, а сегодня он программист, а завтра он будет пробовать себя в роли телеведущего. Есть и такие люди-трансформеры, которые меняют цвет кожи, форму носа, а иногда и пол. Но если рассматривать ситуацию в целом, то в границах первой реальности социальная принадлежность остается пока что относительно стабильной и не допускает быстрых трансформаций. Одного «хочу» мало для того, чтобы стать музыкантом (надо научиться играть на каком-то инструменте), профессором (надо окончить вуз, защитить диссертацию, работать на кафедре), etc. Силой желаний старик не превратится в юношу, а юноша — в старика...

²⁸ Виртуальные сообщества держатся *на словах*. Фотография (или видео) может служить поводом для коммуникации, но не она ее определяет. «Лицо» персонажа, его место в сообществе определяется речевой активностью анонима. В отличие от фотографии, которая может оказаться никак не связанной с тем, кто ее «озвучивает», запечатленное слово все-таки может кое-что сказать о человеке: о его образовании и темпераменте, о сфере его интересов и чувстве юмора, etc. Либерал «по жизни», если он образованный человек с воображением, сможет, пожалуй, выдать себя за правого национа-

жа складывается «из слов», а не из действий: здесь никто не призовет к ответу за сказанное, никто не выведет «на чистую воду», так что подлог, несоответствие между тем, что человек «говорит» в Сети, и тем, что он пишет (если, конечно, пишет) в печатных изданиях под своим настоящим именем обнаружено не будет. Сетевые сообщества — рай для самозванцев.

Если рассматривать создаваемые людьми общности, размещающие их по координатной оси реальное/виртуальное, то, кроме уже названных типов сообществ, можно выделить еще и третий, промежуточный тип: это сетевые «тусовки», которые обслуживают людей, знакомых друг другу по первой реальности. Сетевые группы производят «генераторами заочного общения» типа «В контакте», «Одноклассники», «Мой мир», «Профессионалы», etc... Здесь принципиальным моментом оказывается *привязка пользователя к реальности*, так как данные формы сетевого общения предполагают обнаружение настоящих имен и фамилий, подлинных мест учебы и работы, которые выполняют функцию сигнальных маячков, призванных собрать в Сети одноклассников, старых приятелей, коллег и восстановить общение.

Здесь не выдают себя за кого-то другого, здесь возобновляют прерванные связи с друзьями и коллегами. В этом случае слово не «отрывается от реальности», не становится «невесомым». Шарики экранных текстов прочно привязаны к телам, и те, кто их надувает, делают это с осторожностью. В таких сообществах пишут с оглядкой, задумываясь о том, «как слово наше отзовется».

К экранному слову, привязанному к первой реальности, следует отнести и большую часть переписки посредством электронной почты (или в просторечье — «мыла»). Переписываются ведь в основном с теми, с кем уже знакомы, а следовательно, учитывают земные кондиции адресата (его профессию, семейное положение, возраст и т. д.). Как видим, слово, зафиксированное в сетевом пространстве, с одной стороны, представляет в виртуальном мире социальные, политические,

листа и наоборот, но если такую операцию попытается проделать необразованный человек, то из этого ничего не выйдет.

культурные и религиозные общности, существующие помимо Сети, а с другой, на их основе складываются сообщества виртуальных персонажей. Внутрисетевые сообщества прямого выхода в несетевой мир обычно не имеют. Их связь с ним носит косвенный, опосредованный характер.

Впрочем, иногда люди, знакомые друг с другом по Интернету, встречаются и по эту сторону экрана. Так бывает, например, с сетевыми игроками. В этом случае основой для общения в «реале» становится членство в сетевом сообществе. При переносе сетевых связей и общностей в пространство первой реальности возникает новая, необычная для всей довиртуальной культуры ситуация: заочное речевое общение предшествует общению «с глазу на глаз»²⁹.

Экранное общение и трансформация языка. Не входя в специальное обсуждение особенностей каждой из новых форм «электронной письменности», остановимся на моментах, которые в той или иной мере характеризуют все вербально-сетевые «новообразования» в том, что касается их воздействия на письменную речь.

Прежде всего, обращает на себя внимание феномен *микширования* порядков письменной и устной речи, их грамматических и стилистических характеристик. «Письменная речь» явно демонстрирует тенденцию к «опрощению». При этом она утрачивает многие из своих отличительных особенностей: развернутую форму построения предложения, использование сложных грамматических и синтаксических конструкций, особый,

²⁹ Зафиксированное, абстрагированное от человеческой телесности слово оказывается единственным источником обнаружения другости другого. Через запечатленное слово люди что-то узнают друг о друге, оставаясь друг для друга невидимками. В прежние времена что-то похожее имело место в таком явлении, как «дружба по переписке» (это могла быть переписка заключенного с «заочницей»: вспомним сюжет «Калины красной»; или распроstrаненная в Советском Союзе переписка детей из разных стран по случайно полученному в школе почтовому адресу). Иногда друзья-заочники, познакомившиеся по переписке, встречались лично. В электронной цивилизации XXI века ситуация, когда люди, знакомые через обмен фиксированными сообщениями, переходят к общению в первой реальности, получает значительно более широкое распространение.

обогащенный книжной лексикой вербальный строй, логическую последовательность, стилистическую обработанность языка, etc. Основная причина доминирования тенденции к упрощению сложносочиненного строя письменной речи лежит за пределами ее топологической трансформации и связана с общей для общества потребителей логикой демократизации и стандартизации всех сфер жизни потребительского общества. Однако свой особый и весьма значительный вклад в вульгаризацию письменной речи вносят новые коммуникативные практики, чей топос — это светящееся око экрана.

Надо сказать, что роль посредника в общении людей, разделенных пространством и временем, письменная речь выполняла издавна. Написанное всегда вызывало более или менее оживленный отклик; его анализировали, комментировали, интерпретировали, оценивали, соглашались с автором или опровергали его, но... все это делалось спустя какое-то время после того, как текст был написан. Читательская реакция оказывалась или устной (обсуждение прочитанного с друзьями-знакомыми), или письменной, но и в том, и в другом случае она следовала за исходным высказыванием с существенным отставанием. Текст был обращен к неопределенному другому (к читателю) и не предполагал быстрой реакции с его стороны. Ответ на высказывание публиковался и мог, в свою очередь, послужить отправной точкой для написания нового текста.

Именно разделенность в пространстве и времени актов письма и чтения не позволяла письменной речи (в ее рукописной и печатной формах) превратиться в разговор-для-глаз или — проще — в болтовню. Большие устные жанры (миф, эпос, легенда) как живые, надындивидуальные формы хранения этнических и культурных общностей исчезли из обихода цивилизованного человека довольно давно (они были задвинуты на окраину новоевропейской культуры в деревню, туда, куда не могла проникнуть письменная культура). *Развернутое высказывание* стало привилегией письменной речи, в то время как *общение в актуальном режиме* (в том числе — по поводу прочитанного) оставалось законным владением устных речевых жанров. Однако с момента локализации слова на экране положение изменилось. Устная речь в режиме коммуникации (в режиме беседы, болтовни, трепа) перешаг-

нула черту оседлости, когда-то очерченную возможностями голосовых связок и слуха, и закрепилась в новой для себя области письма и чтения. Обмен *написанными репликами в режиме беседы, в режиме диалога* (то есть обмен высказываниями в актуальном режиме) стал возможен благодаря скорости «письма» посредством клавиатуры и возможности мгновенной отправки и получения сообщений через Сеть. Когда болтовня с помощью знаков для глаз стала повседневным занятием миллионов, строй письменной речи просто не мог остаться неизменным.

Общение — дар, но дар, таящий в себе не только радость и счастье понимания, но и соблазны (собеседникам грозит опасность с головой погрузиться в то, что Хайдеггер назвал «толками»). Сложность, затрудненность письма по сравнению с устной речью и дистанция, отделявшая (и до сих пор еще отделяющая!) устную речь от запечатленного слова, создавали то различие, ту благотворную напряженность во взаимодействии двух форм речевой активности, которая весьма способствовала обогащению языка и мышления. Сегодня это различие становится более размытым и неопределенным. Затрудненность, которую создавала необходимость выразиться (на письме) таким образом, чтобы тебя понимали те, кто не сможет переспросить о содержании высказанного, в режиме сетевой переписки оказывается снятой: зачем стремиться к развернутому выражению мысли, впечатления, житейской истории, если можно перебрасываться мячиками слов почти так же быстро, как при очном общении? Сокращение временной дистанции между актами письма и чтения, между вопросом и ответом с неизбежностью вызывает сближение строя письменной речи с более свободным порядком использования языка в ситуации очного общения³⁰. Ускорение об-

³⁰ Хотя перевод слова из режима разговора «здесь и теперь» в «формат» речи для глаз ведет к деградации запечатленного слова, тем не менее, режим общения посредством экранов для чтения не становится визуальным аналогом устного общения. Перевод разговорного языка в режим письма/чтения существенно его модифицирует. Уже сам факт фиксации слова *усиливает рефлексивный момент в общении*. Переместившись из аудиовизуального пространства в регион зрительного восприятия, речевой строй участников диалога становится более рациональным, так как слова делают его доступным

мена сообщениями в режиме переброски электронных сообщений уже сегодня привело к упрощению письменной речи даже в таких консервативных (с точки зрения норм построения письменной речи) жанрах сетевой коммуникации, как переписка, форум и блог³¹.

для перечитывания. Все формы сетевой коммуникации — и в этом их принципиальное отличие от режима разговора в родной ему стихии устной речи — оставляют место для обдумывания ответного слова. *Задержка с ответом позволяет продумать и вопрос, и реакцию на него*. То, что «сказано», не будет забыто или искажено; «сказанное» сохранит электронная память машины. Отсутствие фигуры стоящего рядом с вами собеседника, который смотрит в глаза, и реакции на последнюю фразу позволяют собраться и ответить точнее. Пауза может длиться минуту, десять минут, несколько часов, суток; в аське она обычно невелика, на форуме, в живом журнале, в частной переписке — она колеблется от нескольких минут до нескольких дней.

Сознание того, что «сказанное» тобой зафиксировано, да и сама возможность *видеть* «сказанное» уже приводит к более ответственному и продуманному использованию слова, чем это бывает в устной беседе. В сетевой дискуссии всегда есть возможность *точно воспроизвести* в виде цитаты тот или иной *фрагмент «речи» собеседника*. Возможность цитирования и перечитывания только что сказанного требует осмотрительного отношения к слову. Таким образом, беседа, после ее перехода из аудиального режима в режим письма/чтения, существенно меняется в сторону большей точности и взвешенности. Длина и сложность строения предложений напрямую зависят от того, в каком сетевом формате ведется общение. Чем быстрее ответ, предполагаемый формой сетевого коммуницирования, тем беднее по содержанию, лексике, грамматике и синтаксису его язык (увидеть это не сложно, стоит только сопоставить язык электронных писем с языком ICQ или SMS). И, напротив, чем больше временной разрыв между репликами, тем содержательнее высказывания, вопросы весомей, реплики, тем дальше они от неприятной грамматики и синтаксиса кухонных разговоров.

³¹ Электронное письмо предполагает более быструю, чем бумажное письмо, реакцию; присланное вам сообщение должно быть принято во внимание, «отрефлексовано» и «отреагировано» в ответном письме. В доэкранный эпоху письменная речь отличалась обстоятельностью в силу ее обращенности к далекому читателю. Книгу снаряжали, как корабль, который отправляют в далекое плавание. Текст, который будут читать сегодня, а завтра забудут, едва ли станут снаряжать так же основательно, как книгу, рассчитан-

Еще одна особенность экранного слова в его коммуникативных жанрах, весьма способствующая упрощению письменной речи, — это «черновой» характер этих текстов. Электронные «сообщения» (если говорить о переписке по электронной почте и посредством SMS сообщений) не предполагают, что их будут перечитывать. Это одноразовые высказывания с «одноразовыми» словами. Свобода в обращении со словом всегда была отличительной особенностью устной речи; теперь же она стала достоянием речи письменной, фиксированной. Заведомая недолговечность бытового, будничного слова в режиме обмена бытовыми новостями или текущей информацией «по работе» ведет к небрежности в составлении и оформлении письменных сообщений (электронных писем) независимо от их содержания. Отправитель письма исходит из того, что *ошибки, которые он допускает, речевые неточности и штампы — это что-то неизбежное, естественное, а потому — нормальное*. Сегодня сетевой текст, изобилующий ошибками, — это не отклонение от нормы, это новая «норма». Даже многие вполне грамотные люди не перечитывают написанных ими строк, не устраняют ошибок, опечаток (опечаток), не работают над стилем. То есть они «пишут» (набирают с помощью клавиатуры) примерно так же, как говорят, не слишком заботясь о подборе слов и логической выстроенности текста, руководствуясь надеждой на то, что «и так поймут», а если не поймут, то можно будет тут же пояснить «сказанное».

Не на пользу сохранению особенного, сложного строя письменной речи в режиме on-line общения идет и то обстоя-

тельство на неизвестного читателя. Для переправы через ручей вполне сгодится и самая захудалая лодочка. После переправы ее бросят и отправятся по своим делам. Прежде письма писались в расчете на то, что ответ будет получен через какое-то время; дневниковая запись предполагала, что сделавший ее человек будет перечитывать ее годы спустя. Скорость обмена сообщениями хоть и остается в электронной переписке более низкой, чем при очной беседе, но она значительно быстрее, чем при обмене письмами-на-бумаге. Это ускорение склоняет пишущего к упрощению синтаксиса, грамматики и лексики, к насыщению «письма» элементами разговорной речи (просторечные обороты, сленг, ненормативная лексика, сознательное искажение слов, злоупотребление неологизмами и т. д.).

тельство, что в фокусе новейших форм электронной коммуникации часто оказывается не предмет, по поводу которого люди общаются (по поводу которого они ведут предметный разговор), а само *взаимодействие с другими людьми* и сопутствующий этому взаимодействию ценностно-эмоциональный фон. Ведь и в первой реальности, в нашем устном общении с ближними превалирует мотив поддержания коммуникации ради коммуникации, ради сохранения давно сложившихся связей и отношений. «Привет, как дела?» — «Нормально. А у тебя?». К такому типу общения сводится весьма значительная часть сообщений в режиме ICQ и SMS. Соответственно, и сетевое слово все чаще выступает в качестве абстрактного знака присутствия, а предметно-содержательная функция запечатленного слова оттесняется на периферию экранного обмена сообщениями.

Пребывая в промежуточной области между развернутыми порядками письменной речи и речью устной (с ее умолчаниями, восполняемыми из контекста беседы, с многое разъясняющими мимикой, интонацией, жестом), поток электронных сообщений не может удержать жестовую и мимическую составляющую очной беседы, что очень обедняет его эмоционально. Эмоция в Сети передается не столько посредством семантической и стилистической проработки текста (это требует и сил, и времени, и таланта), сколько с помощью знаков эмоционального отношения к сказанному, которые варьируются от условных знаков-смайликов [:) — улыбка, :(— грусть, :-| — задумчивость, :-D — смех и др.] до идеограмм из картинок-смайликов и шрифтовой акцентировки фразы, придающей графике письма эмоциональную выразительность (употребление прописных букв вместо строчных, использование курсива, жирного шрифта, разрядки вместо обычного шрифта, etc.). Чувство, переживание в скоростном обмене сообщениями не успевают или не умеют выразить словами, заменяя стилистическую работу над речью упаковкой эмоции в абстрактные пиктограммы радости, удивления, меланхолии и т. д. (смайлики — феномены того же рода, что и закадровый смех в юмористических передачах по ТВ, обозначающий то место, в котором надо смеяться). Здесь действует все тот же принцип удобства и логика экономии уси-

лий. Нередко мы видим сообщения, которые целиком состоят из одного или нескольких смайликов. Обмен смайликами — это обмен «пустыми» знаками эмоционально окрашенной речи на расстоянии. Эмоции нет, но предполагается, что она «как бы есть». Наличие в послании смайлика указывает на *желание* автора передать адресату эмоцию. Эмоция *могла бы быть*, и этого — довольно, раз *может быть* — значит *есть!*

Без руля и без ветрил (вместо заключения). Изменения в пространственной локализации слова приводят к существенным переменам в жизни человека и общества. Наблюдение за этими изменениями позволяет сделать следующий вывод: появление новых способов фиксации и консервации логоса приводит к формированию нового вербального ландшафта культуры. Как движение материковых плит с сопровождающими его землетрясениями, извержениями вулканов и колебаниями климата влечет за собой изменения в жизни живой природы, так же и все значительные смещения в местах пребывания логоса приводят к перестройке всей жизнедеятельности человека и общества.

Самыми значительными, эпохальными событиями в истории пространственных трансформаций логоса следует признать два революционных переворота: первый был связан с отрывом слова от человеческого тела и закреплением на других, неодушевленных телах (изобретение письменности), второй же был ознаменован утратой словом стабильного тела (слово стало словом «без определенного места жительства») и его виртуализацией. Свернувшись в безвидную личинку двоичного кода, став «невидимым», виртуальное слово оказалось на порядок свободнее своего печатного предка. При этом его связь с реальностью (с миром вещей, которые ветшают) еще более ослабла.

Нетрудно заметить, что каждый новый шаг в экспансии логоса на новые территории оказывался в то же время и новым шагом в отделении слова от тела. Если рукописное слово еще сохраняло непосредственную связь с человеческим телом (связь по происхождению), то печатное слово разорвало эту «кровную» связь слова и человека: слово печатной книги производится уже не человеком, а машиной. Но если печатная книга оставалась вещью среди окружающих

человека вещей, то переход к технике кодирования слова означал его информатизацию и выход за пределы мира, соразмерного человеку (бросок по ту сторону мира вещей, которые ветшают). Мера отчужденности слова от тел и вещей (от реальности) оказывается и мерой его эмансипации от сущего, мерой его развоплощения.

Растворение референта (не-слова, смысла, вещи) в означаемом, его отрыв от означаемого, а в конечном счете — отрыв от Другого (от без-условного условия слова) самым существенным образом воздействует на человеческое существование. Сфера условного разрастается, а сфера реального (мира вещей, которые ветшают) съезживается, подчиняясь возможным мирам слов и образов. То, что есть как слово (как образ), и становится действительным (действующим, влияющим на вещи, и в том числе — на «мыслящую вещь»). Возможное теснит и побеждает сущее.

Чтобы игра со словом стала возможной, слово должно было утратить свою онтологическую весомость, свою магическую и мистическую силу (ведь с сакральным, с вещим словом нельзя оперировать безнаказанно). Чем больше слово отделялось от сакрального, тем податливее оно становилось для игры. Специфика современности в том, что цивилизация, базирующаяся на возможности безнаказанной игры со словом и смыслом, истощила язык и привела к самозамыканию слова. *Перестав быть священным, вещим словом, освободившись от привязки к выговаривающему его телу, оно утратило свою твердость и перестало быть честным словом*³². Оно растворилось в речи, в ее бурных и мутных потоках. Человек тонет в словах. Река-речь переливается (перелилась) за дамбу реального и заливает сущее.

Отдаление слова от человеческого тела и от мира подручных вещей привело к невиданной еще в истории человечества инфляции слова. Отделенное от реальности, слово стремительно обесценивается, теряет «в весе». Инфляция слова

³² О значении перехода от «вещного слова» к эпохе «пост-вавилонских наречий» применительно к практике искусства см. работу: Секацкий А. К. Практика алхимии и актуальное искусство // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2008. □ 2 (4). С. 104–119.

отзывается инфляцией смысла. Эмансипированное слово, соединившись с эмансипированным (экранным) образом, постепенно замещает собой слово, обеспеченное золотым запасом реальности. Человек теряет Другого. Когда человек теряет Другого, тогда слова теряют для него Смысл и наступает эпоха бесконтрольной эмиссии слова. Этой эмиссии и сопровождающей ее инфляции слова и смысла соответствует переход от эпохи печатного слова к эпохе электронного, цифрового слова. Подобно тому, как в момент утраты деньгами золотого обеспечения создается возможность для раздувания необеспеченной товарами денежной массы и бурному росту экономики и к последующему ее глубокому кризису, двойной отрыв слова от Смысла и вещи создает предпосылки (поощряет) раздувания словесной массы. Деструкция точек онтологическогокрепления слова к вещи и к Другому приводит к тому, что раздувающийся, подобно мыльному пузырю, массив слов становится пустым, невесомым, не обеспеченным золотым запасом. Слово теперь почти не обменивается ни на золото смысла, ни на серебро реальности. Оно на них не обменивается, оно их замещает, подменяет собой. Безусловным становится само слово, а «реальность ветшающих вещей» сознается как об-условленная, данная в слове и через слово. И чем меньше слово связано со смыслом и с телом (от говорящего тела к рукописи, печатному изданию, симулятивному образу слова), тем больше оно поглощает и смысл, и вещь.

Когда-то отделение, высвобождение слова из темницы человеческого тела создало предпосылки для эмансипации индивидов, для их обособления от мира и от другого; сегодня слово стало свободным до такой степени, что, погружаясь в потоки слов, человек себя не собирает, а, напротив, теряет, отчуждаясь и от смысла, и от реальности.

Увлечшись игрой в слова, мы, как кажется, заигрались. Мы поставили на кон реальность и проиграли ее. Сегодня нами играют не вещи, а слова. Из субъектов игры мы превратились в тех, кого разыгрывает бессубъектное слово. Язык играет нами, как ветер играет судном, без руля и без ветрил блуждающим в открытом море...

Классический текст как проблема современности

Анестезия как болезнь нашего времени

Эстетика сегодня выдвигается в первый ряд философских наук, поскольку она ближе всего к практической философии. Даже неувядаемо актуальная этика, философия выбора и поступка, в наше время уступает эстетике в значимости и настоятельности, так как главной проблемой становится уже не поступок, но то, что ему предшествует: чувственный и умственный опыт, на основании которого мы и способны определять свой выбор и совершать поступок. Современность предлагает столь широкий спектр технических, химических и психологических средств ухода от реальности (от телевидения до героина), что под вопросом оказывается сама естественная чувственность. Похоже, что если основной проблемой прошлого столетия был невроз, то в XXI веке сомнительную честь болезни века стяжает **анестезия** — нечувствие, тесно связанное с бездействием и обезличенностью. Сегодня человек испытывает немалые трудности в общении с самим собой. Он больше не умеет (или так и не научен, но злоупотребления нынешней педагогической практики — это отдельный вопрос, которого мы касаться сейчас не станем) слушать свое тело, склонен не откликаться на голос своего ума и сердца, не замечать свою совесть и дух. Не меньшие препятствия осложняют его общение с внешним миром: зачастую он не хочет заниматься телесными практиками, не видит окружающую его природную и культурную среду, не интересуется другими людьми — словом, не получает удовольствия и радости от жизненного процесса. Гоголевское «Скучно жить на этом свете, господа!» становится магистральным лозунгом современности. Именно в этом, а не в героике «Тараса Бульбы» и не в романтике ранних повестей классик попал в десятку. О том, насколько разрушено и заглушено в нас духовное чувствование и разумение, и говорить не стоит: это всем известно. Чтобы знать Бога, надо Его услышать, а как это сделать, если вокруг нас непрестанно зудит веселенькая музыка, а внутри нас крутятся коротенькие нехитрые мысли?